

Е.В. Гусарова. К вопросу о происхождении русских чертежей «коллекции Берхгольца»

Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXVIII.

Петровское время в лицах — 2015.

Материалы научной конференции.

// СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2015. 504 с. ISBN 978-5-93572-641-6

«Коллекцию Берхгольца» («стокгольмскую», «тессин-хорлеманскую») — собрание русских архитектурных чертежей первой половины XVIII в., оказавшееся в Швеции, называют «редчайшим и очень важным для истории Санкт-Петербурга собранием, документально зафиксировавшим многие здания города 1720 – 1740-х гг.»¹ (илл.1–7)

Введенный в научный оборот в 1963 г. известным Каталогом Б.Х. Халльстрёма² (илл.8–10) и выставкой в ГЭ³ (илл.11), а до того «двести лет пылившийся в особо тайном фонде шведского королевского архива»⁴, этот корпус графических материалов стал не только сенсацией, открывшей в неведомой до того полноте архитектурный облик раннего Петербурга, но вызвал множество вопросов, предположений, гипотез. Споры не утихают по сей день.

Сама принадлежность коллекции секретарю Голштинского герцога, а позже воспитателю его сына, ставшего наследником Российского престола, которую путём сличения почерков установил, хотя не нашёл документов, прямо её (принадлежность) подтверждающих, шведский исследователь («Берхголец был тем, кто собирал чертежи и писал надписи в 1740-е годы»⁵) и приняло большинство специалистов, подвергается сомнению и даже «жёсткой критике», не подкреплённой, впрочем, убедительными доводами⁶.

Да и намерения собирателя — цель, с которой создавалась эта коллекция, — вызывают самые разные толкования. Б.Х. Халльстрём указывал на сугубую «методичность» Берхгольца, на то, что его «система... скорее топографическая, нежели художественная»⁷, предполагал, что Берхголец «собирал графические материалы, связанные с местами пребывания Карла Петера Ульрика в России»⁸. Е.Ю. Станюкович-Денисова, развивая эту мысль, выдвинула в качестве цели коллекционера «прославление и мемориализацию Голштинского дома», создание «некоего атласа-альбома для подношения Петру Ульрику, когда он взойдёт на трон»⁹, а в другом случае обозначила в качестве жанра «своеобразный иллюстрированный адрес-календарь такого качества, которого никогда не достигали подобные издания XIX и XX вв.»¹⁰ Ю.М. Денисов подчёркивал, что Берхголец «не был безучастным коллекционером»¹¹. В.П. Наумов называл его «добросовестным, бесхитростным и доброжелательным наблюдателем»¹². (илл.12) А.Ф. Крашенинников считал, что «способный голштинец», прославившийся в Европе подробным Дневником своего пребывания в петровской России, был «завербован» шведским правительством, «не собиравшимся мириться со своим поражением и готовившимся к реваншу»¹³.

Нет данных о том, как рассматриваемая коллекция попала в Швецию, где её собиратель никогда не жил, но в 1749 г., через три года после того, как вывез коллекцию из России, получил от шведской короны 1000 экю «за оказанные Швеции услуги»¹⁴, а в последние годы жизни, как полагают, — и пенсию¹⁵. Открыт вопрос об исполнителях для Берхгольца копий русских чертежей.

Интересующая нас загадка предназначения оригиналов, копии которых составили коллекцию Берхгольца, прояснена, пожалуй, менее других. Её попытался разгадать Ю.М. Денисов, чью гипотезу принял и Б.Х. Халльстрём. Это предположение о «задуманном создании большого парадного изображения», «аксонометрического вида» новой столицы, для которого и выполнили обмеры фасадов — чертежи, копии которых заполучил Берхголец¹⁶. В качестве одного из доводов Денисов сослался на эскизный набросок аксонометрического плана Петербурга из ОР БАН — чрезвычайно любопытный картографический

документ, заслуживающий отдельного рассмотрения¹⁷. Другой и самый главный аргумент Денисова, повторяемый авторами, разделяющими его версию, — «различие в масштабах горизонтальных и вертикальных размеров зданий, они как бы вытянуты вверх»¹⁸, — так говорят о фасадах на чертежах берхгольцава собрания. И поясняют, что это искажение было допущено намеренно, «чтобы в переводе в аксонометрическую проекцию фасады зрительно сохранили пропорциональный облик»¹⁹. Предложим на это свой ответ: никаких намеренных искажений на рассматриваемых чертежах фасадов нет, просто за два столетия поднялся «культурный слой» в городе и нижняя часть старых петербургских зданий соответственно ушла под землю; мы же привыкли именно к таким пропорциям фасадов в натуре, и потому на открывшихся в 1963 г. чертежах «дома... кажутся несколько вытянутыми вверх»²⁰ (илл.13). А тонкости работы над якобы предстоявшим составлением на их основе аксонометрического плана тут не при чём.

Ещё возражения. Во-первых, надо учитывать, что «план Зихгейма» 1738 г., который Денисов и считал первым этапом работы над созданием «большой парадной» аксонометрии (а следующим — те самые «обмеры фасадов»), составляли сразу после пожаров 1737 г., опустошивших центр Петербурга, огромная часть жителей которого осталась без крова. В таких условиях парадное изображение новой столицы на бумаге никак не могло быть первостепенной задачей. Все силы городских архитектурных команд в те годы были направлены на реальную реконструкцию города. Н.В. и Е.А. Калязины так описывали эту работу на пределе человеческих возможностей: «Еропкин, как свидетельствует “Ведомость о присутствии в учреждённой о строении Комиссии”, “в оной Комиссии бывает по вся дни неисходно”. Он даже ночевал там... “По ночам спал мало... с полуночь часу в четвёртом, а иногда и в третьем, в Комиссию ставал и сочинял полицейские должности, а утром отправлял текущие комисские дела и сочинял чертежи, и между тем некоторые ночи были, что и вовсе не спал”... Еропкин составлял проекты перепланировки районов города по мере получения от группы Зихгейма планшетов с топографической и геодезической съёмкой... В работах принимали участие архитекторы Земцов, Коробов, Шумахер, Дж. Трезини. Они же разрабатывали отдельные участки, давали встречные предложения... В течение трёх лет... были созданы проекты новой планировки всех основных районов города... Проекты не ограничивались композиционной схемой расположения улиц и площадей. В них подробно разрабатывалась новая жилая застройка, намечались места общественных сооружений, предусматривалось озеленение, благоустройство, водоснабжение, строительство мостов, регулирование русел и протоков»²¹. Для составления такого трудоёмкого чертежа, как аксонометрический план города, просто не оставалось профессиональных ресурсов.

Во-вторых, напомним, что «план Зихгейма» — фиксационный и зафиксировал как раз опустошения, а они по определению не могут быть предметом парадной презентации. Этот план стал топографической основой для проекта градостроительных преобразований, причём, столь масштабных, что о них сказано: «Именно тогда, при императрице Анне Иоанновне, Петербург как бы второй раз родился усилиями Еропкина и его коллег»²². В те годы архитекторы занимались перепланировкой, которую только предстояло воплотить в натуре. В городе шло грандиозное строительство, и предьявлять на парадном изображении было пока нечего. Не случайно знаменитый махаевский план Петербурга появился лишь в 1753 г.

15 декабря 1716 г. Петр I отправил из Европы А.Д. Меншикову письмо, в котором среди прочего указал: «Королевское Величество Прусской просил нас, чтоб ему прислан был план Санктпетербурху, того для велите такой план начертить со всеми морскими устьями, и с островами, и какое на них есть строенье,

также на Выборгской и на нашей стороне Невы, и всему учинить описание, и как будет готов, тогда пришлите к нам. Также велите сделать и прешпект с той стороны, которая от Канцов»²³.

Нам уже доводилось обращаться к этому замечательному документу, сравнительно недавно открытому и введённому в научный оборот Т.А. Базаровой²⁴. В данном случае обратим внимание на упомянутого здесь «адресата» затребованного царём плана Петербурга. Кто это был? Почему он просил о плане новой русской столицы, на что царь распорядился выполнить столь сложную работу, да к тому же «сделать и прешпект»? Вопрос не праздный²⁵.

В 1716 г. прусским королём был Фридрих Вильгельм I – фигура в расхожем представлении скорее негативная: «король-скряга», «фельдфебель на троне», «взбесившийся солдафон», и даже «карикатурный идиот европейского масштаба»...**(илл.14)** В действительности было, разумеется, сложнее. После отца, курфюрста Бранденбургского, в 1701 г. возложившего на себя корону Пруссии и ставшего королём Фридрихом I, — любителя роскоши и веселья, державшего пышный двор, поклонника французской культуры, построившего «пруссский Версаль», — его сын и преемник действительно «объявил войну роскоши и расточительству», чем вызвал изумление подданных и пересуды в европейских дворах. Он всю жизнь не покладая рук «работал на троне», заметив в одном из писем: «Власть в этом мире — всего лишь труды и мучения»²⁶. И добился поразительных результатов, о которых современный автор пишет: «Это чудо точности и эффективности, дисциплины и порядка, долга и исполнительности, усердия и прилежания скоро стало восприниматься во всем мире как типично «прусское» явление, созданное руками замечательного, в высшей степени оригинального короля... Превращение Пруссии в великую европейскую державу не произошло бы без основ, заложенных Фридрихом Вильгельмом I, королем-солдатом»²⁷. **(илл.15)**

У этого «Прусского Величества» было много общего с русским царём. Он стал одним из главных союзников Петра в Северной войне (а Россия была в своё время одной из первых стран, признавших законность коронации Фридриха I). Говоря о предыдущем визите Петра, немецкий автор сообщает: «Русский царь и прусский кронпринц тогда моментально нашли общий язык — Фридрих Вильгельм чувствовал родственную душу в порывистом, диком русском, силой загонявшим свою неразвитую страну в новую эпоху... С Петром можно было по-мужски откровенно говорить о солдатах и ружьях, о лошадях и скоте, о строительстве домов и кораблей — короче, беседовать о практических вещах, а не вести бесполезные разговоры на вычурном французском. И это нравилось Фридриху Вильгельму чрезвычайно»²⁸. **(илл.16)**

Они оба реформировали армию, создавали промышленность. Оба имели обыкновение «появляться на стройках, где со знанием дела беседовали с плотниками и каменщиками», «инспектировать сады и поля», «захаживать в дома простых бюргеров, чтобы побеседовать с хозяйками». Оба предпочитали «бюргерско-голландские правила — чисто, добротнo, практично». Оба ввели у себя «ассамблеи» — у «Прусского» они назывались «табачными коллегиями», где в непринуждённой обстановке, за столами с газетами, за голландской трубочкой и кружкой пива можно было говорить о делах, о событиях в мире, играть в шашки и шахматы (карты Фридрих Вильгельм, как и Пётр, не любил). Оба заботились о народном образовании, веротерпимости, медицине...

Возвращаясь к архитектурно-градостроительной теме, подчеркнём, что Фридрих Вильгельм известен не только созданием военного прусского государства, но и масштабным строительством. «К 1713 г. большие и малые города Бранденбурга находились в плачевном состоянии после Тридцатилетней войны, — сообщает историк, — Везде и всюду взгляду нового короля представляли пустыри, пожарища и руины»²⁹. «Король солдат» привёл их «в довоенное состояние», «проявив неслыханную щедрость». «Город Люхен

получил из личных средств короля 26 000, а город Темплин — 30 000 талеров... Город Стендаль, где в руинах лежало больше ста домов, получил ещё более значительную помощь... Во всех городах Пруссии любому человеку, построившему дом, государство возмещало сначала 12,5, затем 15 и, наконец, 23 процента... Ничуть не меньшую энергию Фридрих Вильгельм проявил и на новостройках. Потсдам, неприметная рыбацкая деревня на Хафеле, где жили 400 человек, обязан королю городским статусом. Фактически город стал шедевром самого Фридриха Вильгельма: к концу его правления превратился во вторую столицу Пруссии и насчитывал 20 000 жителей. Свой любимый город король-солдат превратил в прусскую Спарту: как из-под земли выростали тут казармы, оружейные фабрики, гарнизонные церкви, плацы, манежи, офицерские жилища, инвалидные и сиротские дома... Многим обязан королю и Берлин. 1350 домов построили в прусской столице за время правления Фридриха Вильгельма I, в том числе в районе Фридрихштадт»³⁰ (илл.17). Рассказывая о возникновении «самой известной части Берлина», историк сообщает, что «король, давно озабоченный проблемой городского планирования, издал распоряжение о подготовке концепции расширения Фридрихштадта, где тогда стояли лишь триста домов», и что с тех пор, как началось строительство и до самой своей смерти король «имел удовольствие видеть, как тут ежегодно возводится более ста домов»³¹. Теперь «во Фридрихштадте находятся такие знаменитые на весь мир места, как Оперная площадь, Жандармский рынок, Фридрих-, Вильгельм-, Лейпцигер-, и Шарлоттенштрассе, Парижская и Лейпцигская площади, а также площадь Вильгельма»³². Особо отметим, что «почти вся будущая Фридрихштрассе» была выстроена на месте «непроходимых топей»! «Результаты дерзкого наступления на болота и пески оказались блестящими», — резюмирует немецкий историк³³. А отечественный специалист считает, что Петр I «видел строившееся берлинское предместье Фридрихштадт, чья планировка была основана на трёхлучевой системе», что Берлин оказал «несомненное влияние на возникновение представлений Петра Великого о новой столице», как и «прусская строительная регламентация», при которой «жителям рекомендовались разработанные королевскими архитекторами типы домов...»³⁴

Возвращаясь к чертежам, к «прешпекту», добавим, что на Петра не могло не оказать «несомненного влияния» и обыкновение европейских государей запечатлевать свои архитектурно-градостроительные достижения на бумаге, пропагандировать их с помощью печатного стана — традиция, которой, несмотря на его «солдафонство», следовал и Фридрих Вильгельм I Прусский. Гостивший у него русский царь наверняка разглядывал вместе с хозяином не только план Штральзунда, где Карл XII, с новой силой раздувавший огонь затухшей было Северной войны, восемь месяцев оборонялся от армий трёх королей — польского, датского и прусского (илл.18) (гравюру 1715 г. Пьера Гуссона «Plan de la ville de Stralzung» с изображением этой осады повторило в 1720 г. издательство И.Х. Хомана). Петру разумеется показывали планы и «проспекты» Берлина, лишь в январе 1709 г., после объединения Фридрихом I пяти крохотных городков, ставшего столицей Пруссии. Такие, например, как знаменитая аксонометрия Габриэля Боденера, датируемая временем около 1717 г. и представляющая Берлин мощной крепостью и эффектным архитектурно-градостроительным явлением (илл.19). Интересовался Пётр и изображениями загородных резиденций прусского короля — Ораниенбурга, Потсдама, Шарлоттенбурга (илл.20), Шёнгаузена. Он не только посещал их неоднократно, но и приобретал их чертежи, о чём свидетельствуют выполненные специально для русского царя планы «сада и дома» Монбичу³⁵ (илл.21), «Чертёж огорода прусского короля Шеин гоузен» из петровского собрания³⁶.

В связи с нашей темой нельзя не отметить серий гравированных видов достойных внимания зданий Берлина (до полутора десятков на одном листе). Они знакомы нам по продукции мастерской Г.М. Зойтера

1760-х гг. (илл.22–24), которая, однако, повторяет более ранние издания – выпуски 1750 г., хотя понятно, что работа над подобными изображениями началась ещё раньше, возможно, при Фридрихе Вильгельме I. Такие листы выпускались издательскими домами Европы как приложения к планам городов. Таковы, например, гравюры издательства Хомана 1720–1740 гг. с видами зданий Нюрнберга, Лейпцига, Зальцбурга, Галле (илл.25–28). Создавались изображения иного жанра, в котором «клейма» с архитектурными видами помещались прямо на листы с планами — таковы планы Парижа 1725, 1728 гг. с видами достопримечательностей по периметру, Лондона 1720 гг. с «проспектами» королевских резиденций, Мадрида 1735 г. и многие другие. (илл.29-30)

Пётр, разумеется, встречал подобные изображения не только у прусского короля. Известно, что он знал их с детства — по тем видовым гравюрам, что показывал юному царевичу Н.М. Зотов, по книгам царской библиотеки, которые «выписывал из Рима» его отец, встречал разнообразные издания в путешествиях, получал архитектурные увражи в подарок от европейских государей, покупал их через своих агентов в Голландии, в Париже, в Венеции; немало их было в его собрании (илл.31). Общение с Фридрихом Вильгельмом, просьба последнего о плане Петербурга, открывшаяся из цитированного царского письма, были несомненно ещё одним импульсом, побуждавшим Петра к созданию как фиксационного плана новой российской столицы, так и видовых гравюр с изображениями её зданий.

Нет сомнений, что Пётр оценил значение таких «летучих листов» в культурном утверждении своей державы на международной арене, в укреплении политического престижа, в продвижении своих интересов. Именно поэтому, распорядившись о плане Петербурга для «Прусского», он велел сделать ещё и вид города «от Канцов», с Выборгской стороны. Знаменитая Панорама А.Ф. Зубова и стала этим «прешпектом», а малые виды к ней — своего рода аналогами тех изображений прусской столицы, которые царь мог видеть у Фридриха Вильгельма³⁷. Но этим дело не ограничилось: в апреле 1717 г. Питеру Пикарту было «повелено выгородовать на медных досках вновь на абрис прешпект Санкт-Петебурга и прочие при нём куншты», а в декабре того же года директор Петербургской типографии М.П. Аврамов, ссылаясь на царский указ, запрашивал у архитектора Трезини «план Санкпитебурхского всего места», поскольку Екатерина «с первоприбытия сюда из европейских краёв о деле плану с прешпектом приказывать изволила»³⁸ (инициатива, понятно, исходила от Петра). Есть и другие сведения об указаниях Петра рисовать «хорошие места» и «делать печатные доски».

Неизвестно, задумывал ли Пётр серии видов зданий своей столицы, подобные берлинским, но есть данные о том, что «во время государствования его императорского величества» собирались некие «книги» (здесь и далее курсив мой. — Е.Г.) *чертежей*. В первую очередь, как полагают, — для «Истории Свейской войны». Подчеркнём, что собиравшиеся для этого труда иллюстрации были не только схемами осад и баталий, «абрисами» победных фейерверков, изображениями триумфальных входов. В свете нашей темы заслуживает самого пристального внимания информация о том, что «Историю», задуманную как история Северной войны, но «превратившуюся в ходе работы над ней в историю России петровского времени», собирались иллюстрировать и чертежами «петербургских зданий и загородных дворцов и садов»³⁹. Вот распоряжение самого Петра: «В Историю вносить строеньи, которые начаты в войну и которые окончаны, годы и числа»⁴⁰. А вот «мемория» кабинет-секретаря А.В. Макарова, бывшего главным помощником Петра в создании «Истории», писавшим для неё предварительный текст и собиравшим в том числе следующие материалы: «Из городской канцелярии требовать. Как начат каменной делать город. О церквах

Петропавловской, Исаакиевской и прочих. О Гостине дворе. О гошпитале. О канцеляриях. О домах государевых всех здешних, петергофских, дубковских, стрелинских катерингофских и прочих. О огороде государеве, сперва как начат. Из Сенату и ис полиции. О строении на Васильевском острове каменном, как началось. О строении, как началось на Адмиралтейском острове. Ис полиции ж требовать. О каналах, о улицах, о каменных мостах. О монастыре у Феодосия архиепископа. О Ладожском большом канале. О Адмиралтействах, болшом и партикулярном. О гаванях котлинском и ревальском. О прешпективных дорогах. О регулярном строении в Москве, с которого году началось»⁴¹.

Известно, что при жизни Петра «Гистория» не была закончена. Из докладов кабинет-секретаря Макарова Екатерине следует, что осталась «масса собранного, но неиспользованного материала», в том числе — «приложения и *иллюстрации*»⁴². Но работа продолжалась: «Во время двухлетнего царствования Екатерины I “Гисторию” собирались напечатать. Макаров, Черкасов, Степанов, Юрьев и в это “мутное, трудное, хлопотное и ненадёжное время” много трудились над ней»⁴³. Как раз к этому времени относятся зафиксированные документами усилия Макарова по сбору *обмерных чертежей* «здешних строений»: он требовал у архитекторов Канцелярии от строений М.Г. Земцова и других, «чтоб они все в ту же меру те чертежи делали... чтоб *книги* порядочно были зделаны, и в том над мастерами надзирать ему, Земцову, а которые архитекторы чертежи свои и принесли и те неисправны, того для оные посылаются в Канцелярию от строений для переделки»⁴⁴. М.В. Иогансен связывала это «предписанное указами» исполнение обмерных чертежей именно с продолжением работы над «Гисторией», «для которой все архитекторы, находившиеся в Петербурге, должны были представить сведения о возводившихся ими зданиях»⁴⁵. По данным Иогансен, в 1726 и 1727 гг. М.Г. Земцов «отдавал исполнению обмерных чертежей» петербургских строений «много времени», причём «не только сам исполнял обмеры, но и руководил участниками этой работы»⁴⁶. Есть сведения и о других «снимавшихся» в тот же период объектах: «В 1726 г. Г. Киавери и Т. Усову предполагалось поручить сделать “планы и прешпекты” Стрельны — «для гравюр...»⁴⁷

Любопытный для нашей темы штрих: среди «меморий», упоминающих о работе над «Гисторией» в это время, Т.С. Майкова называет и Дневник Ф.В. Берхгольца⁴⁸. Значит ли это, что автор Дневника, а в будущем собиратель рассматриваемой коллекции, знал и о чертежах?

Не издали «Гисторию Свейской войны» и при Екатерине I, а при Петре II и Анне Иоанновне работу над ней прекратили, и «только Макаров продолжал *собирать* «Гисторию» вплоть до конца 1731 г.», когда подвергся «жестокomu преследованию», «прекращённому только со смертью Анны Иоанновны» (неизвестно, узнал ли он об освобождении перед своей смертью, последовавшей в 1740 г.)⁴⁹. Собранные им материалы «пролежали 11 лет в Кабинете министров, запечатанные печатью Тайной канцелярии»⁵⁰.

«С воцарением Елизаветы Петровны и восстановлением императорского Кабинета рукописи “Гистории”, — сообщает Т.С. Майкова, — были “возвращены к прежним делам”»⁵¹. Управляющим восстановленного Кабинета стал личный секретарь императрицы Черкасов — тот самый И.А. Черкасов, который в своё время был вторым статс-секретарём Петра I и одним из помощников обер-секретаря Макарова в «собрании» «Гистории Свейской войны». Однако времена изменились, и при Елизавете, хотя и предпринималось несколько попыток написать историю Петра I, «предполагали почему-то начать труд заново», а «кабинетская архива» с материалами петровской «Гистории» оставалась, как говорит документ, «без всякого призрения и в беспорядке»⁵².

Возможно именно тогда входившие в неё чертежи стали лёгкой добычей для дельцов, подобных Берхгольцу, находившемуся в эти годы в Петербурге во второй раз.

Этому несомненно способствовали отмечаемые как раз в этот период повышенный интерес правительства к петровским чертежам, оживление их «циркуляции» в профессиональной среде, связанные с тем, что Елизавета Петровна, политическим лозунгом которой было продолжение начинаний отца, вознамерилась завершить строительство стрельнинского ансамбля. «Восемь лет составлялись сметы, разыскивались петровские чертежи, строительство назначалось и отменялось вновь...»⁵³ Петровские документы искали в те годы с помощью бывшего подъячего Кабинета Петра I Г. Замятнина, собирали в Сенате⁵⁴; о шедших в 1743–1747 гг. поисках чертежей свидетельствует обширная переписка⁵⁵. А главное — обнаруженные тогда чертежи петровской поры интенсивно копировали, чему есть немало подтверждений: «В Альбертине, в Варшавской народной библиотеке, а также в РГИА хранится ряд копий чертежей первой четверти XVIII в. по стрельнинскому дворцу... Они несомненно сделаны в середине XVIII в., когда под руководством Растрелли предпринимались попытки восстановить ансамбль»⁵⁶.

Чертежи рассматриваемого времени хранятся ныне и в ГЭ⁵⁷. Это собрание изучалось, его листы атрибутировались, выпускались добротные каталоги — к выставке 1972 г.⁵⁸, фундаментальный научный каталог 1981 г.⁵⁹ Рассматривалась эта графика и в многочисленных статьях и монографиях, посвящённых архитектурным объектам⁶⁰. Причём в прикладном смысле она изучалась главным образом в целях реставрации и потому воспринимается до сих пор почти исключительно как архитектурные проекты, как чертежи строительные. Однако среди этих материалов несомненно есть и созданные для других целей — издательских, пропагандистских, просветительских.

Здесь уже упоминалось о намерениях Петра «снимать виды» Петербурга и окрестностей. В этом контексте известная эрмитажная серия перспективных рисунков Николо Микетти, например, вполне может быть увидена как исполнение указания царя от 7 марта 1722 г. «срисовать Питер гоф и Стрелину, огороды и парки каждой, також и каждую фонтану и прочее хорошее место в прешпективе, как французские и римские чертяца и велеть Пикарту, чтоб делал печатные доски»⁶¹. «С большим или меньшим вероятноем» относили эту серию к приведённому указанию и составители Каталога 1981 г.⁶² Хотя Н.И. Архипов и А.Г. Раскин, нуждавшиеся в иконографических источниках для воссоздания Петергофа в 1950-е гг., «связали», как формулирует тот же Каталог, подписные перспективные рисунки Микетти с его проектной деятельностью, датировав их 1720 и 1721 годами⁶³. Однако сами рисунки аутентичных датировок не имеют и, судя по обозначенным авторской рукой номерам, составляли единый комплекс с выполненным, как предполагала Т.Б. Дубяго, тем же Микетти не найденным генеральным планом Нижнего сада Петергофа, от которого сохранилась экспликация «Описание Петергофской деревни», составленная в 1722–1723 гг.⁶⁴ Отметим, что такому знатоку архитектурной графики рассматриваемого периода, как Г.Г. Гримм, датировки Архипова и Раскина «не представлялись в достаточной мере аргументированными»⁶⁵. Более того, надписи самого Микетти говорят об изображённых на этих рисунках фонтанах, каскадах, бассейнах как об *осуществлённых* объектах: «...Prospettiva della Fontana... quale ferma prospetto conlalto posta alla falda Monte» (Перспектива фонтана... который *закрывает* вид от подножия горы); «Prospettiva della Cascata liscia che sta incontro al lago grande che essendo...» (Перспектива “гладкого” каскада, который *находится* напротив большого озера); «Pianta dell lagetto che sta alla Cima del monte» (План бассейна, который *стоит* на горе)⁶⁶.

Очень похоже, что хранящиеся в ГЭ рисунки этой серии⁶⁷ были вовсе не проектами, а теми самыми, исполненными, как и не обнаруженный пока генеральный план, после 7 марта 1722 г. «прешпектами», задуманными Петром для гравирования. В пользу этого говорит и характер их графики: виртуозная игра с

пространством, не обязательная для проектной «подачи», живое, «небрежное» перо и акварель со звонким жизнерадостным сочетанием голубой, зелени и умбры, погружение изображённых архитектурных объектов в вибрирующую световоздушную среду, клубящиеся облака, голубые холмы на горизонте изящные стаффажные фигурки, беседующие, фехтующие, шагающие на охоту, катающиеся в нарядной «барке», привносящие в архитектурные пейзажи элемент жанра бомбочкаты, – всё это позволяет рассматривать листы Микетти как иллюстрации к роскошному увражу. (илл.32–33)

Эрмитажные чертежи М.Г. Земцова лишены той свободы в изображении пространства, за которой — многовековая традиция итальянской художественной школы. К тому же земцовские работы, о которых здесь речь, — не перспективы, в отличие от микеттиевских, а ортогональные проекции: фасады, планы, разрез, — составляющие известную серию из 9 фиксационных чертежей построек Летнего сада, исполненную в 1725–1727 гг.⁶⁸ (илл.34–35)

Все они представляют собой статичные и плоские, но при этом тщательно выверенные графические композиции, грамотно заполняющие поверхность листа, имеющие все признаки альбомной (увражной) иллюстрации. Тонкие, изящные двойные рамки заключают каждый элемент композиции и весь чертёж в целом. Обстоятельные названия: «План и фаячат обитательных полат Ея Императорского Величества», «Картинная галерея в Новых полатах», «План вновь состроенного летнего дома полат», «Проспект салы, которая создана для славных торжествований» (илл.36) и др. — также обведены своей рамкой, либо красуются на развевающейся ленте-бандероли, а есть и картуш, несомый ангелочком-путти. Выполненные, как и перспективы Микетти, пером и тушью с акварельной подкраской, эти работы более скованы и наивны, но вполне профессиональны. Репрезентативность их графики, о которой мы говорили, была отмечена ещё в 1911 г. Л. Рудницким, предположившим, что листы эти были предназначены для гравирования⁶⁹.

То же построение графических композиций находим в другой серии из эрмитажного собрания петровской архитектурной графики. Это рисунки «Нишельных» фонтанов по «Езоповым притчам» в Нижнем саду Петергофа, относимые к работам мастерской Земцова 1724–1725 гг.⁷⁰ Изображение фонтана и текст притчи на каждом листе составляют двухчастную композицию, имеют каждое свои рамки, а также общее обрамление. Статичные и ещё более наивные, чем названные земцовские чертежи, они, тем не менее, выстроены на плоскости именно как иллюстрации. Не случайно «выполненные и оформленные одинаково», они рассматриваются в Каталоге 1981 г. не просто как фиксационные, но как «готовившиеся к изданию или переплетению в подносной альбом»⁷¹.

Предназначавшимися для несостоявшегося издания «Кунштов» считал И.Э. Грабарь и выполненные Франсуа да Ваалем в 1723 г. чертежи Подзорного дворца из рассматриваемого эрмитажного собрания⁷². (илл.37)

Отметим, наконец, и предположение Грабаря о 29 хранящихся в ГЭ чертежах, дублирующих часть рисунков коллекции Берхгольца⁷³, как о «дилетантских копиях с оригиналов петровской эпохи», как о «несомненно, иллюстрациях к какой-то неизданной книге», в которой, очевидно, «собирались дать представление о строительстве Петербурга с его основания»⁷⁴.

В заключение стоит добавить, что, в противоположность архитектурной графике указанного рода, ПРОЕКТНЫЕ листы из того же эрмитажного собрания выглядят иначе — и по композициям, и по манере исполнения, и по другим параметрам. В них нет той степени репрезентативности, очевидны деловитость, признаки «рабочей подачи», хотя и «высочайшему» заказчику. Таковы листы с указаниями Петра, например: «Сия кашкада надлежит делать близ того места где был двор Кикина а препорция ея в писаных книгах а не печатных у Машкова которые оклеены красным сафяном под гербом французским» (подготовительный

рисунок к «Марлинской каскаде», приписываемый мастерской Микетти⁷⁵). Таков чертёж Земцова «Стена террасы в парке Кадриорг»⁷⁶. Таков сильно загрязнённый, очевидно интенсивно использовавшийся в работе лист с проектом неизвестного автора «Грот с бассейном»⁷⁷ и многие другие. **(илл.38)**

В свете всего изложенного возникает закономерный вопрос: не были ли русские оригинальные чертежи, копии которых сохранились как коллекция Берхгольца, частью той работы, что выполнялась по указаниям Петра I, а затем его последователей, именно для издания – либо как иллюстрации к «Истории Свейской войны», либо в качестве серии видов зданий Петербурга и его окрестностей, аналогичных упомянутым европейским.

Ответ на этот вопрос требует дальнейшего изучения различных графических материалов, в том числе чертежей коллекции Берхгольца. Для продолжения такого исследования необходимо, как представляется, в первую очередь полное издание материалов этой коллекции на современном научном уровне и хорошего полиграфического качества.

- ¹ От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век. Каталог выставки. Выпуск 4. Две столицы. СПб. 1999. С. 117.
- ² *Hallström B.H.* Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum // Nationalmusei skriftserie 9. Stockholm, 1963.
- ³ *Денисов Ю.М.* Выставка «Архитектура Петербурга первой половины XVIII века из собрания Национального музея в Стокгольме» в залах Государственного Эрмитажа. Буклет. Л. 1963.
- ⁴ *Крашенинников А.Ф.* Из Швеции с чертежами // Совершенно секретно. 1 февраля 2005. <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/1326/>
- ⁵ *Hallström B.H.* Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum... P. 18.
- ⁶ *Малиновский К.В.* Берхгольц // Три века Санкт-Петербурга. Осьмнадцатый век. 2001. Кн. I. Т. 1. с. 123–124.
- ⁷ *Hallström B.H.* Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum... P. 12, 13.
- ⁸ Там же. P. 63.
- ⁹ *Станюкович-Денисова Е.Ю.* Деятельность Ф.-В. Берхгольца в Германии: к изучению путей формирования коллекций чертежей в 18 веке // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Конференция СПб. ГУ. СПб. 2012. <http://www.actual-art.org/stati/130-st2012/rus18/502-stanyukovich-denisova-devyatelnost-berghkoltza-v-germanii.html?showall=1&limitstart=>
- ¹⁰ *Барышникова Е.Ю.* Санкт-Петербург XVIII в. на чертежах из коллекции Берхгольца // Шведы на берегах Невы. Стокгольм. 1998. С. 146.
- ¹¹ *Денисов Ю.М.* Выставка «Архитектура Петербурга первой половины XVIII века из собрания Национального музея в Стокгольме»... Страницы не нумерованы.
- ¹² *Наумов В.П.* Послесловие // Неистовый реформатор. Иоганн-Готлиб Фоккеродт. Фридрих-Вильгельм Берхгольц. М. 2000. <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/pred.phtml?id=139>
- ¹³ «Владея таким материалом, любая армия вторжения не испытывала бы никаких затруднений даже при захвате города ночью: имелся портрет каждого дома и описание, что в нём находится... количество солдат “на постое” аптека, трактир и подобные сведения...» (*Крашенинников А.Ф.* История Стокгольмской коллекции русских чертежей или шпионаж против России, принесший ей пользу через 200 лет <http://arch-museum.livejournal.com/35861.html>)
- ¹⁴ *Hallström B.H.* Ryska byggnadsritningar i Nationalmuseum, Nagra tidiga av Bartholomeo Rastrelli, Konsthistorik Tidskrift. 1960. I-II, P. 34.
- ¹⁵ *Богуславский Густав.* 100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича. М. 2011. <http://iknigi.net/avtor-gustav-boguslavskiy/46418-100-ocherkov-o-peterburge-severnaya-stolica-glazami-moskvicha-gustav-boguslavskiy/read/page-18.html>
- ¹⁶ *Денисов Ю.М.* Выставка «Архитектура Петербурга первой половины XVIII века из собрания Национального музея в Стокгольме»... Страницы не нумерованы; *Денисов Ю.М.* Панорама Невского проспекта / Сост., вст.ст. И.Г.Котельниковой. Приложение. Л. 1974. Страницы не нумерованы; *Hallström B.H.* Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum... P.15–16.
- ¹⁷ *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Петербургской Академии наук в XVIII в. Приложение II. М.–Л. 1946. С. 339. № 379.
- ¹⁸ *Барышникова Е.Ю.* Санкт-Петербург XVIII в. на чертежах из коллекции... С. 145.
- ¹⁹ *Денисов Ю.М.* Панорама Невского проспекта... Страницы не нумерованы.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Н.В. Калязина, Е.А. Калязин.* Петр Еропкин. // Зодчие Санкт-Петербурга. СПб. 1997. С. 172–173.
- ²² *Швидковский Д.О.* Великий город Петра Великого (Архитекторы П.М.Еропкин, Ф.Б.Растрелли, К.И.Росси — исполнители державных замыслов) // Наше наследие. 2003. № 66. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6602.php>
- ²³ Цит. по: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование. СПб. 2003. С. 107.
- ²⁴ *Гусарова Е.В.* К истории создания первого Академического плана Петербурга (о замысле Петра I, роли астронома Делиля и прочем) // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LXXIII. «Петровское время в лицах – 2014». СПб. 2014. С. 139–140.
- ²⁵ Исследователи, говоря об этом письме, хотя и на основании опубликованного в XIX в. Берхом ответа на него, акцентировали внимание на том, что оно было написано в Амстердаме — таким образом фигура «адресата» упоминаемого плана не могла попасть в поле их зрения (например, см.: Иогансен М.В. Об авторе генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX в. / под ред. Т.В.Алексеевой. М. 1984. С. 64), что даёт нам основание рассмотреть документ с этой стороны.
- ²⁶ Цит. по: *Фенор Вольфганг.* Фридрих Вильгельм I / перевод с нем. Юрия Чижова. М. 2004. http://www.e-reading.club/chapter.php/1011232/6/Fenor_-_Fridrih_Vilgelm_I.html
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Швидковский Д.О.* Великий город Петра Великого... <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6602.php>
- ³⁵ ОР БАН. Fol. 266. Т. 5. Л. 8–11.
- ³⁶ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН: карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.; Л. 1961. С. 27.

- ³⁷ Подробнее об этом см.: *Гусарова Е.В.* К истории создания первого Академического плана Петербурга (о замысле Петра I, роли астронома Делиля и прочем)... С. 239–149.
- ³⁸ Цит. по: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. СПб. 1862. С. 397.
- ³⁹ *Майкова Т.С.* История создания «Гистории Свейской войны» // История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С.Майкова, под общ. ред. А.А.Преображенского. Вып. 1. М. 2004. С.56.
- ⁴⁰ Там же. С. 39.
- ⁴¹ Цит. по: *Майкова Т.С.* Петр I и «Гистория Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. М. 1973. С.129.
- ⁴² *Майкова Т.С.* История создания «Гистории Свейской войны»... С.56.
Там же. С. 40.
- ⁴³ Там же. С. 41.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 467. Оп.1. Д. 58. Ч. 1. Л. 56.
- ⁴⁵ *Иогансен М.В.* Михаил Земцов. Л. 1975. С. 60.
- ⁴⁶ Там же. С. 60, 62.
- ⁴⁷ *Дубяго Т.Б.* Русское садово-парковое искусство первой половины XVIII в. : Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. Л. 1951. Л. 61. Научный архив КГИОП. Н-1317.
- ⁴⁸ *Майкова Т.С.* История создания «Гистории Свейской войны»... С. 41.
- ⁴⁹ Там же. С. 42–43.
- ⁵⁰ Там же. С. 42.
- ⁵¹ Там же. С. 43.
- ⁵² Там же. С. 44.
- ⁵³ *Горбатенко С.Б.* Архитектура Стрельны. СПб. 2006. С. 130.
- ⁵⁴ *Майкова Т.С.* История создания «Гистории Свейской войны»... С.44.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 515. Оп.8. Д. 647. Л. 1–6.
- ⁵⁶ *Горбатенко С.Б.* Архитектура Стрельны... С. 336.
- ⁵⁷ *Иогансен М.В.* Михаил Земцов... С. 62.
- ⁵⁸ Петербург и его окрестности в чертежах и рисунках архитекторов первой трети XVIII в. Каталог выставки / авт.-сост. А.Н.Воронихина. Л. 1972.
- ⁵⁹ Архитектурная графика России первой половины XVIII века. Собрание Эрмитажа. Научный каталог / авт.-сост. А.Н. Воронихина, Н.В.Калязина, М.Ф.Коршунова, Т.А.Петрова. Л. 1981.
- ⁶⁰ Классический пример: Гримм Г.Г. Проекты архитектора Н.Микетти для Петербурга и его окрестностей в собрании Эрмитажа // СГЭ. Вып. XIII. Л. 1958. С. 21–24.
- ⁶¹ РГАДА. Каб.П.1. Отд. II. Кн. 93. Л. 378.
- ⁶² Архитектурная графика России первой половины XVIII века. Собрание Эрмитажа... С.16.
- ⁶³ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Л.–М. 1961. С.110.
- ⁶⁴ Как тут не вспомнить генеральный план и 11 листов изображений Трианона, подаренные Петру I герцогом д'Антенном (Бакланова Н.А. Культурные связи России и Франции в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVI–XVIII вв. Экономика, политика, культура. М. 1966. С. 338), а также о том, что свою резиденцию в Стрельне царь намеревался сделать «русским Версалем».
- ⁶⁵ Памятники русской культуры первой четверти XVIII в. в собрании ГЭ. Каталог / под ред. В.Н.Васильева и В.М.Глинки. Л.–М. 1966. С. 58.
- ⁶⁶ Воронихина Н.А. Петербург и его окрестности в чертежах и рисунках архитекторов первой трети XVIII в. Каталог выставки. Л. 1972. С.36–38.
- ⁶⁷ Отдел рисунка ОИЗЕИ ГЭ. Инв. №№ 4730, 4731а, 4731б, 4732, 4734, 4735, 4736, 4737, 4739, 4740, 8451, 8452, 8465. Сердечное спасибо хранителю собрания русской архитектурной графики Екатерине Михайловне Ореховой, любезно показавшей мне все чертежи, с которыми требовалось познакомиться для выполнения настоящего исследования.
- ⁶⁸ Отдел рисунка ОИЗЕИ ГЭ. Инв. №№ 6488–6496.
- ⁶⁹ Рудницкой Л. Историческая выставка архитектуры. Вступительная статья к каталогу. СПб. 1911. С.11.
- ⁷⁰ Отдел рисунка ОИЗЕИ ГЭ. Инв. №№ 8434, 8434об., 8435, 8435 об., 8436.
- ⁷¹ Архитектурная графика России первой половины XVIII века. Собрание Эрмитажа... С.49.
- ⁷² Грабарь И.Э. История русского искусства. М. [1912]. Т.3. С.115.
- ⁷³ ОИРК ГЭ. Инв № 6370, 6377 и др. Архитектурная графика России первой половины XVIII века. Собрание Эрмитажа ... С. 100 и след. №№ 153–181
- ⁷⁴ Русская архитектура первой половины XVIII в. Исследования и материалы / под ред. Академика И.Э. Грабаря. М. 1954. С. 101.
- ⁷⁵ ОИРК ГЭ. Инв № 8475.
- ⁷⁶ Там же. Инв. № 8461.
- ⁷⁷ Там же. Инв № 8478.